

Инфраструктура I Точки места

Поиск смысла жизни, как идея, мог возникнуть только внутри нарастающей бессмысленности происходящего. И это очевидно. Структурные же институции УПШ, напротив, возникали от избытка смысла, от избытка энергии, от избытка понимания участниками процесса сути самого этого процесса. Журналы, квартиры-«салоны»-«хазы», фестивали, издательства, студии, объединения, клубы, книги, премии... возникли, были созданы, учреждены, организованы частными людьми по своему хотению, не взирая на навязчивый патернализм советского и «пошлинахренизма» российского государства. Но важно то, что УПШ существовала/существует не благодаря успешной деятельности этих институций, а, напротив, все эти институции реализовались благодаря тому, что индивидуальная энергия первого поколения УПШ была перенаправлена в жизненную (а не только в творческую) практику, а следующие два поколения уральских поэтов эту практику оценили, поддержали и, частично перекодировав ее «под себя», продолжили. Именно наличие в первой волне новой уральской поэзии критической массы людей, преодолевших в себе концепт творческого эгоцентризма, осознавших, что творчество – это идеи, среда и воплощение этих идей в среде, а не только самовыражение, позволило УПШ осознать себя как данность и тут же эту данность начать воспроизводить в реальности из тех подручных средств, которые реальность не хотела, но теоретически могла предоставить, и в конечном итоге предоставила, не выдержав настойчивости, напора и длительности этой настойчивости, перед которыми в такой комбинации она капитулирует всегда и везде. Итак, тот огромный материал, в наличие которого уже нет никакой возможности сомневаться, хотелось бы принарядить во фрак взятой напрокат логики. Это будет означать, что мы искусственно разведем (в трех значениях этого слова) поток информации по отдельным зонам последовательности: место-время-форма. Самой жизни это не будет соответствовать, но представлению о ней – вполне.

Ленточным фундаментом инфраструктурного здания УПШ стали (сами того не подозревая) литературные кухни/квартиры. Вторыми в иерархии выступили объединения и сообщества. На третье место по логике времени встали первые издательские программы и популяризующие их локальные фестивали со всякими премиальными цацками. После чего формы активности должны были стать многофункциональными, и они стали таковыми с появлением культурных фондов. В положенное время изжив себя (по причине понижения уровня энтузиазма отцов-основателей), фонды своей фактической капитуляцией вновь открыли дорогу серии индивидуальных проектов, которые сделали процесс предсказуемо хаотичным. Ибо непредсказуем только порядок, а хаос примитивен, не разнообразен, а потому двух-, трехвариантен.

По-настоящему структурообразующей была деятельность до 2000 г. Все, что происходило после, имело основой не смысл и идею, а развитие и множественность, что не являлось какой-то ущербностью, а было естественным ритмом роста, вне зависимости, кем участники этого процесса себя представляли в своих нобелевских мечтах.

А теперь надо признаться, что предложенная нами модель подачи материала не идентична описываемому предмету:

- мы вывели за рамки личности культуртрегеров (чтобы облегчить конструкцию);
- пренебрегли коэффициентом мутации, когда культуротворческие сценарии пересекались друг с другом, порождая не квалифицируемые однозначно акции;
- не без высокомерия ограничили общеуральские культурные процессы только теми, которые ассоциируются с нашими очень произвольными представлениями об УПШ;
- аннулировали некоторые непрофильные информационные активы, дав преференции другим, назначив их профильными, и прочее, и прочее.

И, тем не менее, общую схему мы обозначим довольно подробно. Именно подробная последовательность (пусть и в меру искусственная) адекватно ответит на главный вопрос, стоящий перед людьми: **мы долго жили или долго умирал?**

ДОМ, А ПОТОМ И КВАРТИРА ВАЛЕРИЯ И ЗИНАИДЫ ГАВРИЛОВЫХ (Свердловск, начиная с конца 70-х и до начала 90-х гг.)

Виталий Кальпиди:

«Эта была то квартира-салон, то натуральная «хаза». Таких помещений, где собирались поэты-художники, в Свердловске было море (если не Черное, то Азовское – по количеству выпитого – уж точно), но мы остановились в качестве иллюстрации на квартире Гавриловых по причине абсолютного воплощения идей разрушительного созидания и созидательного разрушения в судьбе “держателей” этого места – Валерия и Зинаиды. Здесь бывали Р. Тягунов, А. Парщиков, В. Дрожащих, А. Козлов, Е. Касимов... Я припоминаю, как, впервые попав туда зимой 1988, тут же захотел сбежать хоть куда-нибудь от накатившей внезапно тревоги, но Зинаида стащила с антресолей огромные рулоны гавриловских работ, написанных карандашами, шуршащие осыпающимися внутри грифелями, и попыталась развернуть их, а они, как бабочки, всё складывали свои бумажные несимметричные крылья, не желая быть на колотыми на равнодушные иглы нашего зрения. Так вот, когда картины наконец приоткрылись, меня охватила такая плотная тоска бессмысленности любого творчества, что ее можно было намазывать на хлеб вместо масла. Помню, как наинежнейший Сандро Мокша пришел в восторг от своего ужаса, испытанного им при посещении Зинаиды Гавриловой. То есть он сначала испытал

ужас, а потом, сидя уже у себя дома, вдохновенно размышлял, что ужас ужасу рознь, и этот ужас, который он познал сегодня, какой-то настоящий, а все настоящее – плодотворно и требует восхищения, как минимум».

Андрей Козлов:

«Ощущалось нечто самостийное в свердловской литературе-искусстве. Были свои уважаемые, почитаемые фигуры. В легальной литературе таким персонажем была поэтесса Майя Никулина. А в нелегальной (то есть, более пронзительной, более неформальной) литературе также была звезда – легендарная Зина Гаврилова (она же Окуленок, она же Ломовцева, она же Смирнова). “Зинаида”. Сверхъяркая, особенная звезда, и не только благодаря своей пугающей, почти шизоидной экстравагантности, но и тому, что она, к тому же, была женой художника Валерия Гаврилова, а после его смерти – хранительницей его наследия. Гаврилов – в то время, когда советские космические корабли бороздили просторы Вселенной, писал как-то неистово, то ли как Гойя, то ли как Дали. Однозначно, что он пытался быть художником-философом. Он писал много и свои холсты один за другим складывал на шкаф. Стены были завешаны, – и в коридоре, и на шкафах, разделяющих комнату, – картины. Прочие, а многие просто потому, что очень большие, сворачивались в рулон и складывались на шкаф. В этом декадентском “Эрмитаже” Зина принимала гостей. Как бы ни был занятен антураж поэтического быта, стихи

Валерий Гаврилов

Зины также занятны, необычны. Зина, благодаря имени, ассоциировалась с Зинаидой Гиппиус, но Зина – не аристократка, она была не из “образованных” вовсе и потому боязливо благоговела перед настоящими, “культурными” поэтами. Она даже казалась жизнелюбивой шарлатанкой, которая косит “под гения”. Созданием “стихов” Зина также считала создание детей. Дети – сами по себе гении, сами по себе стихи, а если гении – мать и отец, то таких детей надо рожать бесконечно. Кому-то муза этой поэтессы может показаться незначительной, я бы даже и не стал очень-то тут спорить, но именно Зинка открыла занавес литературы без галстуков, погон и прочих лычек. Работая официанткой в вагоне-ресторане, простая советская девушка вдруг поняла, что хочет быть личностью, хочет быть не такой, как все, то есть великой, знаменитой, и поэзия + искусство существуют просто для этой практической цели – быть великим человеком, как Пушкин, как Леонардо, как Пикассо. Конечно, ее муза – муза без особого лоска. Она не была поэтом-учителем, поэтом-образцом. Лучше ее сравнить с Гагарным, просто она первая в этом городе “без фонтанов” “спозиционировала” себя в качестве такового».

Аркадий Бурштейн:

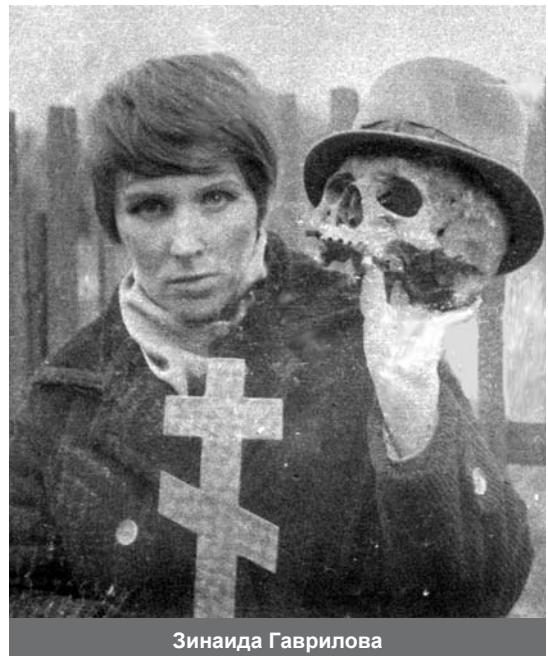
«Познакомил нас с Гавриловыми Слава Бальмонт, один из близких и лучших моих друзей, поэт, прозаик и театральный режиссер. У Славы

была своя труппа, кочующая за ним из ДК в ДК, а Валера Гаврилов делал для Славиных спектаклей эскизы декораций. Валера Гаврилов был художником потрясающей мощи и, несомненно, больным психически человеком, это по его работам чувствуется. Но это же и придает им невероятную энергию. Гаврилов фиксировал на бумаге то, что действительно видел. Иными словами, он пытался ухватить свои видения. Отсюда мрачная мощь его картин. В них защищено видение мира, совершенно мистическое, разумеется.

Был в Свердловске старый деревянный дом, предназначенный на снос. Его заселили художники, кажется, самовольно. Жили в нем и Гавриловы. Я тогда с ними знаком не был, и в доме том не бывал, но по слухам – жизнь их там была одной сплошной чудовищной пьянкой. Надо сказать, что Зина абортов не признавала, поэтому детей у Гавриловых было много. И вот представьте – то ли пять, то ли семь детей, постоянные страшные попойки с мордобоем (я, кажется, не сказал, как умер Валера Гаврилов. Он захлебнулся блевотиной) и ... странные и прекрасные картины... Потом семья получила квартиру в новом районе в двенадцатиэтажке, и вот там я у них и бывал. Их квартира стала кошмаром для соседей и проклятием для участкового детского врача. Они, понятное дело, видели только одну сторону жизни этой семьи, и им не было дела до Валериных картин. Между тем, именно в это время Валера создал аллею деревянных статуй в свердловском лесопарке. Возможно,

она стоит и сейчас... Несколько слов о Зине – Зинозавре, как она себя называла. Она работала официанткой в вагоне-ресторане, а когда вышла замуж за Валеру и оказалась в окружении художников, поэтов, то придумала себе образ роковой Зинозавры и вжилась в него. Она писала стихи, рисовала картины – маленькие. Они вместе выпускали рукописные журналы, совершенно шизофренического характера. Зина тоже была на учете в свердловской лечебнице, известной в народе как Агафуровские дачи. Музей этой больницы в то время в основном из работ Гавриловых, говорят, и был составлен. Когда я увидел Зину впервые, – она была в длинном вечернем платье с блестками – гордая, надменная дама, декламирующая стихи. А в последний раз, уже после смерти Валеры, я встретил ее в телогрейке и ободранной ушанке – она шла на рыбзавод, куда ее принудительно трудоустроили. Сами ее манеры разительно изменились – она неуверенно хихикала, держалась, как бомжиха. В любую роль Зина вживалась молниеносно. Я видел, как однажды они со Славой Бальмонтом минут пятнадцать вели беседу на «птичьем», несуществующем языке, на ходу изобретая звуки и сочетания, практически не повторяясь. Я знаю, что это очень трудно, такое занятие в диалоге требует абсолютной раскованности, свободы импровизации. Я более двух минут не выдерживал никогда, начинал запинаться. Из одной роли в другую Зина переходила мгновенно. Был такой случай: везла она в трамвае младших детей в садик, будучи в роли Зинозавры – интеллигентной и роковой светской дамы. Трамвай был переполнен, и Зина попросила какую-то тетеньку уступить место детям. Тетенька, оценив Зину, быстро объяснила ей, кто она такая, и кто такие ее дети. Взбешенная Зина мигом превратилась в крутую официантку из вагона-ресторана и отметелила не ожидавшую опасности тетеньку так, что ее еле оттащили. После этой драки Зина попала в милицию, не помню, был ли суд, но, кажется, с тех пор она жила под угрозой лишения родительских прав и принудительного трудоустройства. Еще один характерный для Гавриловых эпизод. Когда в их доме появлялся новый человек, ему устраивали тест: давали листок бумаги, на котором столбиком было написано: «Я – ...» в начале каждой строки. Валера требовал закончить строки. Это был, по сути, ассоциативный тест. Как Валера обрабатывал эти тесты, – не знаю, но они влияли на его отношение к людям. Некоторых он впускал в свои картины – разрешал нарисовать кусочек. Или даже просил.

С Валерой я всегда чувствовал себя как на минном поле. Я не помню, чтоб он улыбался, и я никогда не умел понять, что он сделает в следующий миг. Он обладал сильнейшей энергией, но энергией разрушительной, темной. Так мне казалось тогда.

Зинаида Гаврилова

Так я думаю и сейчас. После смерти Валеры Зина оказалась исключительно преданной его памяти женой. Она хранила его работы – а они гибли, т.к. писал он на листах ватмана. Пыталась добиться их признания. Делала, что могла. Искала спонсоров. Увы, могла она не много. О ее смерти я узнал из стихотворения Ромы Тягунова уже в Израиле:

Ты неотразима,
Русская земля.
Похороны Зины.
Третье февраля.

В тот день мы с Бальмонтом напились...»

КВАРТИРА МАЙИ НИКУЛИНОЙ (Свердловск, ул. Декабристов, 18)

В начале 80-х годов Майя Никулина после смерти своей подруги Э. Бояршиновой заменила ее в качестве ведущей литобъединения на Эльмаше. (Позже Никулина вела кружок в университете). Как человек высокого творческого накала Никулина просто не могла да и не хотела ограничивать свое общение с молодыми литераторами только форматом «запланированных встреч», поэтому эти встречи естественным путем перетекали в дом поэтессы, на ее знаменитую теперь уже кухню. Там сходились поэты и писатели разных (конфликтных по сути) поколений и направлений, но, что крайне важно, практика творческого общения демонстрировала им нереальность «стилистических противоречий», помогая тем самым обращаться к непротиворечивым истокам духов-

М. Никулина у окна на своей кухне

ных инициатив. Надо учитывать специфику того интеллигентного общения: алкоголь имел (свое почетное) место быть, но в данном случае это место часто было дозированным. Ту «кухню» можно было бы бездарно увязать с приготовленным на ней роскошным блюдом современной уральской поэзии, если бы мнение о ее влиянии на «судьбу уральской литературы» было единодушным. К слову, очень важные для УПШ персонажи без особого почтения относятся к «никулинскому кругу» и вехам его бытия, что, впрочем, только добавляет естественности описанию. Поэтому мы приводим свидетельства двух поэтов.

Ю. Казарин:

«Дом Майи Никулиной – это двухкомнатная квартира в здании «сталинской постройки» на ул. Декабристов. Домице – как казалось тогда: буквой П с «перекладиной» на восток; вход во двор с юга и с севера, и с востока – через арку, выходя из которой со двора, можно было попасть (особенно в нетрезвом состоянии и в темноте) в какие-то колючие кусты, обдиравшие своими ветками мое лицо не однажды. На север – парк Павлика Морозова, с гипсовым памятником герою-пионеру, с двойным сквером, управлявшимся почти в ворота, выведившие на ул. Луначарского: налево – долгое здание телестудии и за ними гастрономчик «Четырка» (Майино словцо), т.е. № 14, куда часто бегали за тем, что утоляет жажду. Онтологическую жажду. Квартира была небольшая, но с высокими

потолками, большими светлыми окнами (как тогда казалось), с балкончиком, с которого мы иногда (Саша Калужский, поэт и флибустьер, ныне американец, и Саша Верников, абсолютный гений и шалопай) поливали прохожих водичкой с высокого этажа. В дальней комнате всегда кто-то был (отец, мама Майи Никулиной, а позднее дочь Мария). Комнаты были смежными. По праздникам сидели в ближней за большим столом (я обычно, первое время, помалкивал и рвал глаза, переводя их с Майи на книги (их было много – редких и красивых) и обратно. Большее же время проводили на кухне, располагавшейся влево от коридорчика прихожей, в которой мне постоянно падали на голову стихи – именно сваливались на меня, как шапки зимние с полки для головных уборов. Обитали мы в кухне, но запаха кухни не помню: не было ни чада, ни грома кастрюль, зато стоял аромат трав и приправ, относивший, уносивший мозги к югу, на юг, поближе к Греции и Крыму. Хозяйка поспевала всюду: обихаживала и лечила родных (в дальней, «северной», комнате), укладывала самых слабых из нас в «южной», сидела стояла, готовила, слушала, говорила что-то, записывала на клочках бумаги, оглядывала всех и каждого кормила-поила, встречала, успокаивала, давала советы, провожала (никогда не видел, чтобы выпроваживала), слушала наши речи, стихи – редко сама монологизировала, очень редко, – одним словом, жила и наблюдала жизнь.

Однако между домом Майи Никулиной и первой встречей с ней в университете было еще одно знакомство: Майя Никулина тогда руководила литературным объединением завода «Уралэлектроаппарат», куда я и приехал. Именно там, в Никулинском литобъединении, я наново познакомился с однофакультетниками Виктором Смирновым, очень самобытным поэтом; Андреем Танцыревым (тогда – Сафоновым), поэтом европейского склада; Александром Койновым, талантливым поэтом и рассказчиком; Анатолием Фоминым, поэтом и ученым; Евгением Касимовым (мой старый знакомец, ставший другом на долгие годы, – и опять благодаря Майе), ярким человеком, одаренным буквально во всем, эрудитом, талантливым прозаиком-рассказчиком, поэтом, знавшим иную музыку, и др.

Кухня Майи Никулиной – это академия культуры, философии, истории, языкоznания и художественной словесности. Академия, работавшая по типу академий древнегреческих: учителя и ученики общаются, взаимообучаются и взаимо-воспитываются (в поэзии учеников нет – есть учителя, живые и вечно живые: живая Майя, не уча, научила меня, показала мне – своим примером, – каким должен быть поэт в жизни и в литературе; а вот в поэзии – думай, мучайся и расти, дорастай сам). Майя Никулина – образец чело-

Стрелкой указано окно той самой никулинской кухни в доме на ул. Декабристов, 18.

века чести культуры, литературы и поэзии. Без преувеличений: никогда и нигде я не встречал такого, как Майя, человека и поэта: честного, достойного, мудрого, гениального во всем. Кухня не была кухней. Кухня была островом везения для десятков талантливых людей, – островом русской культуры. Все здесь было просто и прямо – по-дворянски, по-крестьянски, по-русски: никто не был любимчиком, хотя любимицы были – и это нормально».

Андрей Санников:

«В Свердловске раствор-то был перенасыщенным. Здесь писали все, и писали очень хорошо, на самом деле, по большей части писали очень хорошо. Было несколько персонажей, которые просто до сумасшествия были гениальные. Мокша, Рома Тягунов... Ройzman со своими переложениями псалмов. Но здесь существовала и определяла «внешний вид» тогдашней литературной жизни такая «филологическая традиция», я для себя так её называю. Здесь хороший, сытый, уютный стромодный филфак, и все, что здесь происходило, было некой имитацией... Вот у Жени Касимова

есть любимая устная «пластинка», которую он время от времени ставит, – он рассказывает, что Майя Никулина была для нас, молодых свердловских поэтов, тем же, чем Ахматова была для Питера. Ага. Искренне причём всё это говорится, без улыбки. Ахматовские «сироты» – Найман, Рейн, Бродский – всё у Ахматовой выясняли, кто из них Пушкин наших дней, а кто Баратынский наших дней. Можно себе представить свердловский вариант таких выяснений?! Здесь всё происходило на очень уютном фоне чая с плюшками на кухне, с интеллигентскими пьянками, в приличных квартирах. И я-то себя чувствовал очень неуклюже здесь. Я-то был человеком совершенно иной внутренней традиции, я был хиппи, к профессуре относился с недоверием, к «мажорам». Поэтому в этот круг, околофилологический, я войти не хотел и не смог».

КВАРТИРА И ВСЕ МЕСТА ОБИТАНИЯ ВИКТОРА МАХОТИНА, 80-е – 90-е гг. (Свердловск, ул. Ирбитская, 10-а и далее – везде).

Вячеслав Курицын:

«Махотин создавал места. В музее Свердлова, в деревянной башне на Плотинке, на Станции вольных почт – само собой. Он создавал вокруг себя места силы, организовывал пространства, в которых множество людей чувствовало себя хорошо и в которых происходило большое количество других важных вещей, связанных с функционированием искусства (от создания до торговли), но главное – это все же эффект места. Города в результате состоят ведь из мест. Свердловск-Екатеринбург моего времени – во многом город, созданный Махотиным. Махотин внешне походил на домового – не случайно».

Александр Верников. О Махотине (из беседы со Светланой Абакумовой):

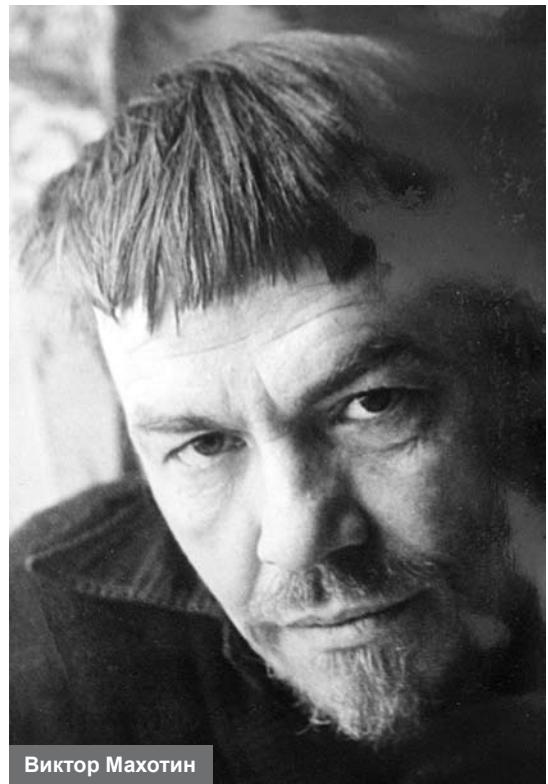
«Когда мы встретились с Ириной Трубецкой, моей настоящей женой, Махотин оказался ее давним другом. И автоматически приблизился, через нее. Виктор был у нас на свадьбе. Свадьба была довольно странная – в издательстве, где Ирина работала. Он пришел, подарил картину художника по фамилии Кодатко. Я не знаю, где он ее взял. Приволок.

Встречались и когда я захаживал на выставку (Ленина, 11) в поисках Тягунова, например. Там была специальная табличка, изготовленная Махотиным: «Тягунов не заходит!»

Он, когда меня видел, – всегда такую радость испытывал! Я все время несколько терялся от того, что человек, видя меня второй раз в жизни, ну, может, третий, так радуется. Но потом я понял, что он ко всем так относится. И все люди, что го-

В. Махотин у себя в доме на ул. Ирбитской, 10-а.

Виктор Махотин

ворили о знакомстве с ним, – они все ощущали примерно это же. Я специального опроса не проводил, но это было видно. Он так радовался, как будто он тебя ждал давно, хотя умом понимаешь, что ему никакого дела не было до тебя: он стоял себе или проходил где-то мимо – и вдруг начинал такую активность проявлять, шебутиться. Если в музей Свердлова я заходил, он сразу начинал чай – 10-го созыва, не иначе, – ставить. Быстро доставал какие-то конфеты, варенье. Не просто вниманием своим удостоит, поговорит, а вот... Прямо не мог без этого. Он не мог, если не даст тебе в ручку что-то материальное. Обязательно находил что подарить. У него был дар – дарить. Да. Он смотрел на тебя, и видно было, что у него начинало быстро что-то щелкать, он в памяти своей начинал искать: что тебе – как он тебя видит – подходит? И что из того, что у него имеется, он может подарить? Надо что-то где-то быстро достать. (Он виллу бы тебе подарил или яхту, но их не было у него). И он говорил какие-то слова при этом – тебе вот это. И надо сказать, часто это здорово у него получалось.

Махотин был общественный человек. Я с удивлением узнал, что он когда-то сидел. Что за легенда, я не знаю. В нем абсолютно ничего «эзковского» не было, никаких этих прихватов. Удивительно, что тюрьма его не сломала, а, наоборот, только закалила. И то, что он к людям так относился. Я не знаю, мог ли он существовать с кем-то долго и

были ли у него предпочтения. Наверное, были... Ирина, жена, говорила мне, что у него отеческий был подход. К женщинам, к детям, к людям вообще. Быстро дать, накормить как-то, сделать что-то приятное – все сразу и быстро. Многие пытаются избавиться от этого, стать хорошими, добрыми, щедрыми – и у них плохо получается! А у Махотина это получалось. При всем том он никогда ни к никакой праведности не стремился и к святости тоже – в расхожем толковании этого слова. А вот у китайцев в понятие «святой» вкладывается иной смысл. Святой – значит естественный. Естественные люди – это такая редкость! По разным причинам человеку очень трудно оставаться в обществе естественным, в том числе и при межличностных контактах.

Судя по его картинам, сердце у него открытое было. Все, кто хоть чуть-чуть отрывался, знают: сердце – это не просто перекачивающий кровь орган, это особый центр в тонком теле человека. Когда он открыт, – человек воспринимает жизнь, как перед смертью, – он испытывает любовь ко всему, что существует в этом мире. Когда центр закрыт, – можно действовать. То есть центр должен быть закрытым, чтобы человек действовал. Он доброжелательный был очень человек. В этом – его дар. Например, Кальпи迪 видит человека как культурную единицу – нужен /не нужен. Кальпиди, конечно, двигатель культуры – он очень много делает. Витя тоже двигал культуру,

но не так. Он делал это как бы между делом. И никакой славы Махотину за это не было. Никаких труб и воспеваний. Не говорил он: это проект, это я сделал! Все получалось как бы само собой. Он не мог без этого – это было частью его жизни. Человек, у которого открыто сердце, не знает страха... Витя не боялся жизни совсем. Частные были страхи – у кого их нету? – но в общем и целом не боялся...»

Андрей Вок

(из беседы со Светланой Абакумовой):

«...На сороковой день мы поминали Витю Разгуляя – Витю Гуляева. Все шумели-галдели, вспоминая, перебивая друг друга. Витя Махотин был на редкость молчалив, периодически вместе со всеми выпивал, а потом вдруг соскочил и закричал: «Я вам говорю! Спешите делать добро! Спешите делать добро!» И после этого опять почти не разговаривал. Я думаю, что под этим лозунгом он и жил, спеша делать добро.

Он меня очень однажды поддержал. Я был на грани нервного срыва. Тогда он занимал все мое время, мы с ним каждый день виделись, чтобы мне не оставаться один на один с собой. Выходим как-то из мастерской одного художника, где мы были в гостях, Витя говорит: «Стоп, вернемся! Мне нужно взять кое-что». Что-то кладет в сумку, и мы идем дальше, беседуем, уже полчаса прошло. Вдруг Витя останавливается и начинает свистеть. И откуда-то из-за гаражей выбегает дворняжка, причем она так виляет хвостом, что хвост, кажется, вот-вот открутится. Витя, выходит, знал, что по пути будет эта собачка, и вернулся за суповыми косточками. Судя по радости дворняжки, она регулярно подкармлививалась им. Он мог по пути сказать: «Ой, подожди, надо тут одной старушке денежек подкинуть». И мы заходили, и оказывалось, что надо тут 200 рубчиков бабке одной дать просто на жизнь. А эта бабка ему никто... Я считаю, что вся его жизнь – это образец именно христианской жизни, христианского понимания служения людям. И во многом, я думаю, его жизнь является более религиозной внутренне, чем жизнь некоторых ортодоксов, внешне глубоко верующих людей. Я читал у одной проповедницы, что на Землю явится греческий Христос, в одном из своих проявлений. Мне иногда кажется, что греческий Христос должен жить именно Витиной жизнью. То есть – ты грешник, и одновременно вся твоя жизнь является выполнением христианского долга.

Дело в том, что его личность вытесняет в нашем восприятии художника Махотина! Со временем приходит умение воспринимать эти вещи отдельно. И портретные работы Виктора на меня начинают производить впечатление все более сильное. Особенно это касается портретов девушки.

старушек, тут он просто бесподобен. В «женском вопросе» он доходил до глубины философии и символизма. Некоторые его маленькие картины воспринимаются как иконы – по силе своего образа. У меня есть такая, моя собственность: две тучки и маленькая звездочка. Там практически нет цветов, три цвета всего-то, но она для меня одна из основных в его творчестве. Или Лев Толстой в русском поле... Его пейзажи. Витину живопись мы пока еще не можем объективно оценить. Картины его очень узнаваемы. Работы Вити можно смело собирать по всему бывшему СССР, потому что они могут оказаться в любом городе. И еще вот о чем хочется сказать. Витя не мог быть только художником, поскольку профессия художника основана на эгоцентризме и некоей самозакрученности. И вот эти два основных внутренних признака художника ему были как раз не свойственны...»

КВАРТИРА ЕВГЕНИЯ КАСИМОВА

(Свердловск, ул. Малышева, 84)

Начиная с середины 80-х годов и по сей день двери это однокомнатной квартиры распахнуты для творческого и просто дружеского общения. Здесь в не совсем, скажем так, светлые головы гостей приходили идеи, из которых потом вырастали «дела и поступки», вошедшие в историю

Стрелка указывает расположение лоджии квартиры Е. Касимова на ул. Малышева, 84.

А. Ерёменко и Р. Тягунов на кухне Е. Касимова,
конец 80-х гг.

Четверть века спустя Е. Касимов на том же
самом месте принимает гостей

современной русской культуры. Правда, если раньше весь тутошний дым коромыслом имел запах завтрашнего утреннего похмелья, то сейчас хозяин этой «хазы» – наитрезвейший депутат и председатель местного Союза писателей. В 1991 г. уже бросивший к тому времени употреблять алкоголь Кальпи迪 уговаривал хозяина последовать своему примеру: «... вот бросишь пить и станешь ты председателем местного совписа и будешь делать всё, что захочешь: выпускать журналы, книги, забабахивать фестивали, шляться по парижам, распределять квартиры – и меня, бездомного, – не забудь тогда...». Хозяин же весело хохотал над этой, прежде всего абсурдной, а уже потом фантастической картиной, попивая пиво, согревая свое сердце мыслями о сжавшейся от холода чекушке в холодильнике «Саратов» (или «Буэнос-Айрес»?). А теперь он, побывав и в Париже, и в Буэнос-Айресе и черт еще знает где, но так и не посетив Саратова, по-прежнему улыбается, но трезвой улыбкой уже третьему поколению гостей, которым так же рад, как и двум предыдущим. Почти четверть века назад именно об этой «некорошой квартире» писал Вячеслав Курицын, паря на соленых крыльях будущей ностальгии: «...и я, став большим, толстым, известным, очкастым, богатым, злобным, буду со слезой вспоминать время, когда мы были молодыми. И мы как-нибудь соберемся – Сашка приедет из Штатов, Аркана из Израиля, оттуда же Женька, Виталик из Греции, Андрей из Индии, я из Пышмы... Мы соберемся – я, Козлов, Субботин, Вер-

ников, Касимов, Шульман, Заstryец, Кальпиди, Фомин, Казарин, Тягунов, Санников, Ройзман, Богданов, Бурштейн, Шабуров, Моршан, Сычев, Жыров, Дрожащих, Копылов, Ерема приедет, может, и Парщиков или еще кто... К тому времени мы все посадим печень, потому будем пить чай, а Козлов молоко, и плакать, плакать, плакать. А потом вдруг – вдруг наплевав на печень – мы наберем портвейна и водки и так налижемся, что Верников полезет щупать Нохрина, Уваров помочится в раковину, я – с балкона, Гошка Стрешнев вставит в задницу свечу и переползет таким образом через проспект Ленина, а Громов за всех помолится...» (Смотрите также материалы о Е.К. на стр. 197, 438).

ДОМ ЕЛЕНЫ МЕДВЕДЕВОЙ (Пермь, ул. Матросова, 77)

С 1976 года верхний этаж дома (теперь уже снесенного) давал приют молодым поэтам, писателям и прочей околовлитературной и совсем не литературной пермской молодежи. Здесь бывали (а некоторые и подолгу жили) В. Дрожащих, В. Лаврентьев, В. Кальпиди, В. Киришин, Ю. Беликов, Н. Городнова, М. Спалле, В. Субботина, Д. Долматов и многие другие. Были у этого дома и рассвет, и закат, когда дружеское общение стало со временем превращаться, как это часто водится, в длительные алкогольные забеги с непременным финишированием по-пластунски. Именно тогда Кальпиди подился в этом доме с компанией

каких-то угланов, гостивших у матери хозяйки, в результате чего оказался на больничной койке. Но запомнилось не это, аочные бдения, когда прямо из открытые окна второго этажа лезли ветки цветущих яблонь, или дикие холодные пермские ночи, когда компания согревалась практически только дыханием, поскольку прогреть старый дом было практически невозможно. Запомнилось только хорошее, то есть – молодость и шум надвигающегося счастья, которое имеет привычку сворачивать куда-то в сторону за минуту до встречи с тобой.

Елена Медведева:

«Свое 19-летие Кальпиди, переехав в Пермь, справлял у меня, ну и пожил немало, будем говорить... Слава Дрожащих тогда писал какие вещи: «В саду невеста, пенится наряд», а Виталик в моей квартире написал «Артюра Рембо» (ОбмеР), во всяком случае, его «Язычица ночей Купала, застигнутая в городе грозой» точно написана здесь. Потом что произошло... Да, у нас получилось что-то вроде коммуны – мы писали все: писала Варя Субботина (будущая жена Кальпиди), писала я, писал Виталик, писал Слава Дрожащих – все писали, все друг другу читали, были идеи какие-то, сценарии делать на телевидении, пару раз в пермские школы ездили с выступлениями. Ребята студенческие – они просто приезжали к нам домой, просто на читку. Послушать. Просились на чай, ну или бутылочку – сушняк – все, что мы тогда могли себе позволить. Ну, во всяком случае, это были споры, до хрипоты, очень интересные, конечно. Тогда еще получилось так как-то, что... Кальпиди с Варварой благословились в моем доме на свою свадьбу, и скоро Виталий познакомил меня с Сержей Мининым, который стал моим мужем...»

Маргарита Спалле:

«Это был двухэтажный деревянный дом, Ленка жила на втором этаже, причем у нее было два входа – парадка и со двора. Причем та, которая парадка – над крыльцом козырек. Сначала залезали на этот козырек, потом по бордюрчику – к Ленке в окно. Через дверь не хотелось ходить. Хотелось так, неожиданно: все сидят, разговаривают, вдруг раз – кто-то в окно входит. И Киршин так входил, и Кальпиди. Никто себе конечностей не переломал, Бог миловал».

Владимир Киршин:

«Я помню, что к Медведевой меня привели две дамы – под локоть слева, помню, меня вела Рита Спалле, под локоть справа – Люда Тарасова. Про которую Кальпиди как-то раз сказал, что у нее ноги Клаудии Кардинале (после этого Люда полюбила скакать по столам, танцы, канкан исполнять на всех застольях). И вот пока они меня

Елена Медведева, конец 80-х гг.

вели, семь раз повторили: «Ты только ничему не удивляйся!» Я все спрашивал: «А что такое?» – «Там Русь! Там Русью пахнет!» И так семь раз. Ну, где она, Русь-то? Приходим на улицу Александра Матросова, подходим к избушке, там система постукиваний каких-то, позвякиваний, покрикований... Открывается дверь, выходит стройная девушка – Лена Медведева, и голосом совершенно пиратским говорит: «Здорово, ребята, чего вы орете так?!» Голос у нее всегда был простуженный, с детства, как потом выяснилось, где-то на Колыме она его подсадила – потом она все это подробно рассказала за бутылкой портвейна, спела песни, мне так понравилось! Сладкий портвейн, хорошие песни, друзья... Ну и картины там, конечно, были потрясающие. Однажды прихожу... Ну, вот как описать избу – которую давно уже ждут под снос? Ее вот-вот должны сломать – и вот половина комнат закрыта, туда уже не ходят и не топят там – странные, холодные комнаты, меблированные и, кстати, без особого бардака. Единственное, что в серванте, например, стояли валенки. Тут же люди сидят, стихи читают, вино пьют. А в винных парах так вообще ощущение не-реальное – Дали, Босх, рыбьи хвосты, маленький Никита на горшке, горшок на стуле... Такие пирамиды причудливые. При этом в доме нельзя курить и пахнуть табаком – нельзя! Одним словом, место очень живое и странное...»

КВАРТИРА НИНЫ ГОРЛНОВОЙ, ВЯЧЕСЛАВА БУКУРА (Пермь, ул. Чкалова, 38)

Сначала, еще в конце 70-х годов, последовательно были комнаты в двух общежитиях, где постоянно толклись люди, велись разговоры, приносились и уносились книги. Хозяйка очень боялась «стукачей», и обычно с этого начала разговор: ну, и волей-неволей он не мог не стать антисоветским по определению, во всяком случае, в своей премабуле. Квартиру на Чкалова (точнее две комнаты в коммуналке) при всей ее скромности можно назвать настоящим салоном. Это была самая трезвая территория в Перми из подобных точек «литературного общепита». Встречи и общение происходили каждый божий день. Нина и Слава просили только оставить им первую половину дня для работы над рукописями, но и эта просьба не всегда была услышанной. Мужество супругов, с которым они десятилетиями выдерживали постоянное нашествие пермской интеллигенции (а со временем и не только пермской, и не только интеллигенции) было приправлено (и это главное) неподдельным восхищением всему новому, талантливому, интересному. Важно, что талантливыми и интересными Горланова считала практически всех. Мы приходили к ней за уверенностью в своей значимости. Всем она дарила эту значимость – щедро, искренне, а если и лукавила иногда, то такое лукавство было куда созидатель-

нее и по-человечески теплее, нежели врожденный идиотизм любой сиюминутной правды. Слава Букур умел скрывать накатывающее иногда раздражение назойливыми гостями юмором, что добавляло в ситуацию непринужденности и легкой иронии, мишируя возможные конфликты, сводя их практически на нет. Влияние салона Нины Горлановой на творческий климат Перми не оценено и, наверное, уже не будет оценено по достоинству. Но истинное положение дел это не изменит, поскольку десятки, а может быть, и сотни людей получали в этом доме уверенность, что культура существует, литература пишется и читается, поэзия несомненна и удивительна, а проза нужна и интересна. Но главное, что гости получали в виде знания – это уверенность, что именно они, каждый из приходивших к Горлановой и Букуру – и есть носители и хранители этой культуры, что они причастны к этой большой тайне, особенностью которой является отсутствие необходимости ее хранить, напротив – ею надо делиться со всеми, кто этого пожелает. Потому что тайна, которая не исчезает после того, как ею поделишься, называется истиной. В этом доме бывали все: писатели, поэты, ученые, журналисты, рабочие, тунеядцы. Среди них Ю. Беликов, Н. Гашева, Д. Долматов, В. Дрожащих, В. Кальпиди, А. Королев, А. Решетов, В. Соколовский, М. Шаламов, Л. Юзефович, О. Седакова, И. Смирин, Л. Кертман и многие, и многие, и многие иные. За долгие годы у тех, кто

Н. Горланова и В. Букур с дочерьми дома на ул. Чкалова (слева С. Вяткина)

Татьяна Долматова с сыном
Дмитрием Долматовым, 1975 г.

Т. Долматова (справа А. Сидякина) возле
подъезда своего дома; стрелкой указано окно
кухни ее квартиры, 2012 г.

был знаком с Ниной и Славой, накопился к ним список претензий, суть которых, если их потрясти, сводится к одному: они мало уделили нам своей любви. Хотелось бы спросить у этих людей: а много ли вашей любви вы уделили Нине и Вячеславу, часто ли вы приглашали их к себе домой (большинство, уверен, – ни разу), постоянно бывая при этом у них, вернули ли вы хоть сотую часть вдохновения этих людей, которое они отдали вам? Хотелось бы дождаться ответа. Точнее – совсем бы не хотелось. Очевидно, что Горланова и Букур служили культуре лучше, много лучше, чем она служила им. Литературная тень Перми населена их персонажами, а не этнографическими выдумками новейшего времени, их вымысел играет роль реальности, и если эта роль сыграет хорошо, то сама плохая реальность исчезает.

В. Кальпиди

КВАРТИРА ТАТЬЯНЫ ДОЛМАТОВОЙ (Пермь, ул. Дружбы, 11)

С конца 1970-х годов новым центром средоточия творческой среды в Перми стал район площади Дружбы в Мотовилихе. Здесь, в Доме печати

«Звезда», размещались редакции главных пермских газет («Звезда», «Вечерняя Пермь», «Молодая гвардия»). В домах поблизости находились мастерские художников В. Смирнова, В. Хана (Мацумаро), В. Остапенко, киностудия «Новый курс», жил поэт В. Кальпиди, прозаики В. Пирожников, М. Крашенинникова, режиссер П. Печенкин, фотографы Ю. Чернышев, А. Долматов, В. Бороздин, А. Зернин, музыкант И. Копницев и др.

Одним из самых активных «тусовочных» мест пермской богемы в 1980-е стала квартира Татьяны Долматовой – сотрудницы газеты «Молодая гвардия», матери молодого поэта Д. Долматова. Это место называли пермской «нехорошей квартирой» (по аналогии с «нехорошой квартирой» Е. Касимова в Свердловске). Здесь постоянно собирались творческие вечеринки, домашние концерты, поэты читали свои стихи. Наряду с В. Дрожащих, В. Остапенко, приезжавшим из Москвы писателем А. Королевым, притягательным центром компании был В. Кальпиди. Как вспоминала впоследствии Татьяна Долматова, «едва он появлялся, все стекались – каким образом, понятия не имею, узнавали, что он здесь. Когда он –

Наталья Шолохова и Виталий Кальпиди, 1987 г.

это всегда была масса народа. И Димка рос в этой атмосфере – любви, радости общения. /.../ Самые счастливые были минуты – этого общения, потому что: музыканты приходили – группа «Дом» с Игорем Копницевым, какие-то новые свои программы они здесь играли, стихи читались, и... это умение Виталия всё концентрировать и всем-всем давать любовь – раскрывая каждого. Это ему свойственно было. Вот он самиздатовские книги тащил, если была такая возможность. Или пересказывал, когда их не было под рукой. Читал нам «Соляные копи счастья» – первое чтение здесь произошло. /.../ Была необыкновенно творческая атмосфера».

A. Сидякина

КВАРТИРА ВИТАЛИЯ КАЛЬПИДИ И НАТАЛЬИ ШОЛОХОВОЙ (Пермь, ул. Подводников, 4)

Съемная квартира, где жили Кальпиди и Шолохова в течение пяти лет (1985 – 1990 гг.) была постоянным местом сбора шумных, допустим, что творческих компаний, перетекавших иногда в поэтические акции, но чаще – наоборот. Наталья Шолохова (вторая жена В. Кальпиди) всегда отличалась радушием и хлебосольством. Имея возможность благодаря своей матери, Ирине Михайловне Шолоховой, доставать качественные деликатесы (что в те годы было делом непростым), она щедро кормила и обижаживала всякую компанию, которая могла свалиться в любое время суток в ее дом. Среди «сваливающихся» значились: В. Абашев, В. Дрожащих, В. Смирнов, Ю. Чернышев, В. Раков, М. Спалле, Н. Бурашников,

Д. Долматов, Т. Долматова, А. Парчиков, И. Кутик, П. Печенкин, Э. Сухов и многие другие.

НАРОДОВОЛЬЧЕСКАЯ, 42 (Пермь) – общежитие, художественные мастерские, место формирования пермской художественной среды в середине 1980-х годов. В истории общежития по адресу Народовольческая, 42 наиболее полно и органично для пермской ситуации воплотилась идея коммунального творческого быта. В этом здании, принадлежавшем производственному объединению «Краснокамск-Нефть», в конце 1982 г. по инициативе режиссера П. Печенкина разместились мастерские художника В. Смирнова, фотографов А. Безукладникова и В. Бороздина, а также слайд-студия самого П. Печенкина (затем передавшего помещение художнику В. Остапенко). Кроме того, несколько молодых писателей и бардов в этом же общежитии занимали должности инженерно-технического состава. Стоит ли говорить, что в мастерских и примыкающих к ним помещениях гостило, жило, ночевало, наведывалось пообщаться и т.д. несметное количества творческих людей: В. Смирнов, Ю. Чернышев, А. Безукладников, В. Бороздин, В. Остапенко, В. Кальпиди, В. Дрожащих, Н. Шолохова, Н. Чеканова, Н. Армишева, В. Бабушкин, Э. Сухов, Ю. Беликов, Ю. Асланьян, В. Капридов, Е. Глядинский, Е. Матвеев, Н. Шабунин, Ю. Шемелин и многие другие. «Подвалом» мастерские на Народовольческой называли лишь по сложившейся «андеграундной» привычке – они размещались в цокольном этаже здания новой постройки и не

Пермь, Народовольческая, 42 (съемка 2013 г.)

порождали темной, тяжелой атмосферы, которой традиционно характеризуется пространство культурного подполья. Это место осталось самым памятным – «сильным» – центром творческого содружества, чему во многом способствовало и его местоположение. Здание располагается в одном из семиотически насыщенных городских урочищ: на краю Егошихинского оврага, неподалеку от Разгуляя и старого кладбища, на границе с Мотовилихой, т.е. у первоистоков города и вместе с тем в маргинальном пересечении территорий. Образно и ярко характер этого места осмыщен в комментариях П. Печенкина: «Образовалось место, где мы жили и [...] чувствовали себя центром культуры. [...] Там люди разные были... Там постоянно появлялись какие-то женщины, пунктиром шли истории, раздирающие совершенно нашу общагу... С одной стороны, нас это сближало... Сближало преодоление отчаяния и ненависти друг к другу. Сближало преодоление предательства. [...] И все это было замешано на любви. [...] В общем, это был такой замес творческой потенции невыраженной, сексуальной неудовлетворенности постоянной – в этом кotle про-винциального города, в истоках Егошихи – почти что у истоков города, в месте, где он родился... И всё это на химии, на фактуре, на Вторчермете...». Короткая, но яркая и насыщенная история творческого общежития на Народовольческой стала вехой движения пермского андеграунда на пути к открытому художественному процессу.

А. Сидякина

Что касается литературных квартир – клубов – салонов в Челябинске, то они наверняка были, но не в рамках квалифицированного периода, очерченного УПШ. Я, например, только по случайности (в силу возраста) не попал в «Клуб вечерних сигар» (студенческое литературно-философское общество), который в 1972 году разогнали чекисты, но был близко знаком с его активными участниками – Сергеем Молчановым и Сергеем Субботиным, блестящие образованными молодые люди, сделавшими себя сами, причем один из них специализировался на современной французской литературе, а другой, как принято говорить, был технарем. Но вплоть до начала первого десятилетия уже нынешнего века Челябинск не располагал вменяемым самогенерирующим ресурсом, который можно было бы хотя бы примерно причислить к «новой поэзии». Конечно, наверняка что-то происходило, например, на квартире Н.Ф. Болдырева, но в силу ориентации последнего на монологичность и философское осмысление жизни, это имело свой, но не поэтический резонанс. Во второй половине 90-х молодые поэты тусовались в квартире Екатерины Минеевой, писавшей стихи и прозу, или у Ирины Кадиковой, талантливой поэтессы и энергично начиナющего культустрегера, которая, впрочем, довольно быстро и скропостижно уехала в США. Но рассмотреть в этом бульоне какое-то осмыщенное движение в сторону нового поэтического видения жизни вряд ли возможно. В середине 90-х в Челябинске были заметны И. Аргу-

Квартира Н. Косолаповой (Кыштым, ул. Калинина, д. 178): С. Арешин, А. Петрушкин, А. Маниченко, Неидентифицированный, А. Петрущенко, А. Быков, А. Санников, Е. Оболикшта, С. Ивкин, 2006 г.

«Квартирник» немецкого поэта Х. Джексона на ул. Шота Руставели, 9-а. Слева направо: Х. Джексон, Л. Озе, А. Букасев, А. Богомолова, Р. Аглиуллина, Х. Фёлькель, С. Арешин, Р. Япишин, Я. Грантс.

тина, Д. Бавильский, Д. Кондрашов, Н. Болдырев, Н. Година, Е. Власова, И. Кадикова, В. Кальпиди, А. Чукашин, Н. Ягодинцева, но даже в дурном сне нельзя было предположить, что эти авторы будут периодически собираяться в одно время и в одном месте, чтобы решиться на осмысленное взаимодействие – а только это придает окружающей среде движение, за которым всегда следует результат (хороший или плохой, но следует). До начала XXI века Челябинск был поэтически нерезультативным, несмотря на фундаментальные инициативы, исходящие отсюда в виде издательских и культуротворческих программ, затрагивающих все поэтическое поле региона.

О челябинских литературных квартирах можно говорить, начиная с 2005 года, – это квартира Я. Грантса на ул. Шота Руставели, 9-а и немного раньше – квартира А. Петрушкина, который, соз-

дав семью с поэтессой Натальей Косолаповой, перебрался в Кыштым, где их совместная квартира, а потом и дом стали местом «схода» поэтических «лиц и личин». Повторюсь, в эти годы подобные квартиры играли уже техническую роль, т.е. они были встроены в какие-то культурные акции, или в монофункциональное групповое бытование, но того «сакрального» значения избранности и решающего структурного значения в формировании культурного ландшафта были лишены, поскольку время, когда это было возможно и нужно, прошло. Думая о культурном строительстве, надо осознавать, что точки (*культурточки*) – это еще не среда. Среда – это точки, ставшие местом, которое необходимо еще масштабировать до состояния пространства, что теоретически невозможно, но на практике случается почти всегда.

В. Кальпиди